

Вашингтон Ирвинг

Легенда о принце
Ахмеде аль Камель,
или Паломник любви

Перевод с английского
Анания Бобовича

ФТМ

Вашингтон Ирвинг

**Легенда о принце Ахмеде Аль
Камель, или Паломник любви**

«ФТМ»

1832

Ирвинг В.

Легенда о принце Ахмеде Аль Камель, или Паломник любви /
В. Ирвинг — «ФТМ», 1832

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Вашингтон Ирвинг

Легенда о принце Ахмеде Аль Камель, или Паломник любви

Жил когда-то мавританский султан, повелитель Гранады, и был у него единственный сын, которого он назвал Ахмедом; придворные добавили к этому имени «Аль Камель», то есть «совершенный», ибо с первых же дней младенчества они заметили в нем несомненные признаки сверхисключительных качеств. Астрологи, посулив ему все, что полагается совершенному принцу и преуспевающему владыке, еще больше укрепили их в этом предвидении. Лишь одно-единственное облачко застигало его судьбу, но и оно, в сущности, было окрашено в розовый цвет: ему предсказали, что он будет влюбчив и, воспылав нежною страстью, претерпит великие бедствия. Впрочем, если его сумеют уберечь от соблазнов любви до достижения им зрелого возраста, эти бедствия удастся предотвратить и вся его дальнейшая жизнь будет непрерывной прогулкой по стезе счастья.

Стремясь раз навсегда избавиться от опасности подобного рода, мудрый султан решил воспитать сына в полном затворничестве, дабы он не только никогда не увидел женского личика, но даже не услышал самого слова «любовь». С этой целью на вершине горы, что подымается над Альгамброй, среди прелестных садов он построил роскошный дворец и окружил его высокими стенами; кстати, это тот самый дворец, который ныне известен под именем Хенералифе. В этом дворце и поместили юного принца, отдав его под надзор и доверив его воспитание Эбен Бонабену, одному из глубокомысленнейших и наиболее сухих арабских философов, проведшему большую часть своей жизни в Египте, где он изучал иероглифы и занимался исследованием пирамид и гробниц, находя неизмеримо больше очарования в египетской мумии, чем в самой обольстительной между живыми красавицами. Мудрецу было велено обучить принца всем отраслям знаний, кроме одной – юноше надлежало остаться круглым невеждой в науке любви.

– Прими любые, необходимые на твой взгляд, меры предосторожности, – сказал султан, – но помни, о Эбен Бонабен, что, если сын мой, находясь на твоём попечении, постигнет хоть что-нибудь из этой запретной области знания, ты мне ответишь за это своей головой.

При этой угрозе по высохшему лицу мудрого Бонабена пробежала безжизненная усмешка.

– Пусть ваше величество будет столь же спокойно за сына, как я за свою голову. Разве похож я на человека, дающего уроки пустой и суетной страсти?

И вот под бдительным оком философа принц уединенно рос в тиши дворца и садов. Его, правда, неизменно сопровождали черные рабы – страшные и немые, но ведь они ровно ничего не понимали в любви, а если и понимали, то у них не было слов, чтобы сообщить о ней принцу. Его умственное развитие – вот о чем больше всего заботился Эбен Бонабен, стремившийся посвятить его в сокровенную науку Египта, но принц обнаруживал в этом весьма посредственные успехи, и вскоре стало вполне очевидным, что он не имеет склонности к философии.

Для юного принца он был даже слишком послушлив, готов следовать любому совету и всегда внимал последнему из советчиков. Он подавлял зевоту и терпеливо выслушивал длинные учнейшие речи Эбен Бонабена, от которого перенял множество разнообразных поверхностных знаний. Так, живя тихо и мирно, он благополучно достиг своего двадцатого года, являясь среди принцев чудом премудрости, но в то же время круглым невеждой во всем, что касалось любви.

Приблизительно в это время в поведении принца произошла, однако, резкая перемена. Он совершенно забросил занятия и принялся бродить по садам и мечтать у фонтанов. Кроме

своих разнообразных познаний, он обладал также некоторым пониманием музыки: теперь она поглощала большую часть его времени, и у него явно обнаружились поэтические наклонности. Мудрый Эбен Бонабен не на шутку встревожился и постарался побороть эти праздные настроения с помощью суровой и строгой алгебры, но принц отвернулся от нее с явным неудовольствием.

– Я не выношу алгебры, – сказал он, – она внушает мне отвращение. Я хочу чего-нибудь, что больше говорило бы моему сердцу.

Выслушав эти слова, мудрый Эбен Бонабен покачал своей высохшей головой. «Пришел конец философии, – подумал он. – Принц открыл в себе сердце». Он еще пристальнее начал следить за своим питомцем и обнаружил, что скрытая нежность его натуры рвется наружу и что ей недостает лишь предмета, на который она могла бы излиться. Принц блуждал по садам Хенералифе в душевном смятении, о причине которого не догадывался. Иногда он погружался в сладостные мечты; то он брался за лютню и извлекал из нее изумительно трогательные, хватающие за душу звуки, то внезапно отбрасывал ее прочь и предавался вздохам и горестным восклицаниям.

Любовное томление, овладевшее принцем, со временем нашло для себя отдушину в обожании неодушевленных предметов: у него появились излюбленные цветы, которые он лелеял с нежным постоянством; затем он особенно привязался к некоторым деревьям, в особенности одно среди них – стройное, с поникшей листвой – вызывало с его стороны влюбленное поклонение; он вырезывал на его коре свое имя, увешивал его ветви гирляндами и пел под аккомпанемент лютни сложенные во славу его романсы.

Мудрого Эбен Бонабена не на шутку встревожило возбужденное состояние, в котором пребывал его ученик. Он видел его у самой грани запретного знания: малейший намек мог открыть ему страшную тайну. Дрожа за благополучие принца и целостность собственной головы, он поторопился отвлечь его от скрытых в саду соблазнов и запер в самой высокой башне Хенералифе. В ней было много роскошных покоев, из которых открывался почти безграничный вид на окрестности, но она высоко подымалась над царством неги и чарующих, однако коварных беседок и павильонов, столь опасных для чрезмерно чувствительного Ахмеда.

Но что же такое придумать, чтобы примирить его с заключением и скрасить долгие, томительные часы? Не говоря уже об алгебре, он исчерпал почти все науки, способные доставлять приятное развлечение. К счастью, Эбен Бонабен еще в Египте изучил язык птиц – ему преподавал его один еврейский раввин, унаследовавший эти редкостные познания по прямой линии от Соломона Премудрого, в свою очередь обучившегося этому языку у царицы Савской. При одном упоминании о такого рода занятиях глаза принца загорелись воодушевлением, и он с таким жаром взялся за дело, что вскоре достиг в этой области столь же высокого совершенства, как и его учитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.